

*Посвящается, как всегда,
Майку и Мэтти*

Я все более и более несчастен и томим нетерпением, находясь в вынужденной разлуке с тобой, а между тем в обозримом будущем изменений ситуации не предвидится.

И пусть на самом деле день нашей встречи приближается, но кажется, что он по-прежнему невозможно далек. Среди прочих причин для тревоги одна из самых ужасных мыслей — та, что ты сочтешь недостаточным мое стремление преодолеть все преграды, мешающие нашему воссоединению; и если такая идея тебя посещала, отбрось ее как несправедливую.

Душа, устремляющаяся в небеса, минующая райские врата на пути к вечному блаженству, не жаждет сей радости столь же пламенно, сколь я жажду испытать небывалое наслаждение в твоих объятиях. Мои слова слишком прямы? Но это лишь бледная тень моих чувств — никакие слова не в силах передать, как я люблю тебя и как тоскую. Ты сможешь понять это, лишь когда мы заключим друг друга в объятия, даря друг другу нежнейшие ласки, вдохновленные любовью и освященные супружеством...

*Письмо Александра Гамильтона
к Элизабет Скайлер,
октябрь 1780 года.*

ЧАСТЬ I

**ШТУРМУЯ
СТЕНЫ**

1

ВЕСЕННЯЯ ЖАТВА!

Особняк Скайлеров

Олбани, штат Нью-Йорк

Апрель 1781 года

Забудьте о Париже. Французы могут оставить себе свои круассаны и Елисейские поля. Кому есть дело до Лондона? Рима? Афин? Насколько она знала, последние — всего лишь кучка руин. И что такого в Уильямсбурге, Вирджиния? В Чарльстоне, что в Южной Каролине? В Нью-Йорке? По ее мнению, они с легкостью могли бы просто исчезнуть с карты.

В целом мире, по мнению Элизабет Скайлер Гамильтон, не было более прекрасного места, чем Олбани весной. Конечно, «Угодья» были дороги ее сердцу как отчий дом, в котором прошло ее детство, и, более того, как место, где она стала женой Александра Гамильтона прошедшей весной. Время ничуть не остудило их страсти, и сейчас она любила мужа сильнее, чем когда-либо. Возможно, именно любовь к супругу была причиной того, что Элиза смотрела на мир вокруг сквозь розовые очки.

Но с ними или без них, невозможно было не согласиться, что немного на свете мест, способных затмить сияние ее родного города в середине весны. Солнце

мягко пригревало с высоты, и было очень тепло. Голые ветви деревьев быстро одевались нежной зеленой листвой, а резкий, вьедливый запах дыма из труб уступал место легким ароматам гиацинтов и крокусов, сирени и сумаха. Ласточки сновали туда-сюда, ловя мух и комаров, новорожденные телята, жеребята и поросята резвились на полях и лугах. Могучая река Гудзон была укрыта туманом по утрам и усеяна лодками рыбаков к полудню. В их сетях блестела спинками сельдь, чей нежный, пикантный вкус идеально сочетался с салатом из молодых листьев горчицы.

Но самой главной радостью было изобилие черники и клубники. По всему поместью сотни и сотни кустиков сгибались под тяжестью тысяч и тысяч алых, бордовых и пурпурных ягод. Всю неделю с самого утра Элиза с сестрами, Анжеликой, Пегги и пятилетней Корнелией — иногда в компании самого младшего из братьев, восьмилетнего Ренсселера, которого любя звали Ренн, — меняли свои роскошные шелковые платья с турнюрами на простые, прочные муслиновые юбки, подтыкая их повыше, так, что открывался весьма провокационный вид на лодыжки и икры, и присоединялись к служанкам в полях, где наполняли корзину за корзиной спелыми, сочными ягодами. (Конечно, кроме Ренна. Ренн не носил ничего, похожего на юбку, с самого своего крещения.)

И каждый день на исходе утра их губы были выпачканы не меньше, чем пальцы (ведь, как заметила Элиза, не бывает сбора без снятия пробы), а затем старшие сестры спешили на кухню, чтобы взяться за дело. Часть ягод замораживали на леднике, другую запекали в пирогах,

но больше всего ягоды варили в густом сахарном сиропе, превращая в варенье, терпкая сладость которого не раз украсит и оживит стол зимой, если намазать его на кусок свежего хлеба, подать с оладьями или подливой к индейке или баранине. Также ягоды мариновали, готовя великолепную закуску, слегка солоноватую в начале, но затем взрывающуюся во рту летней сладостью.

Но как бы ни были все эти лакомства соблазнительны, больше всего Элиза любила есть ягоды свежими, слегка охлажденными. Каждая ягода была крошечным, величинной с наперсток, кусочком сочного удовольствия. Этим чудесным весенним полуднем, стоя в потоке солнечного света, падающем на каменную столешницу, Элиза по очереди обращалась то к корзине клубники, то к ведерку черники, смакуя по яголке за раз.

— Никак не могу решить, которая из них более чудесна! — воскликнула она, обращаясь к сестрам, устроившимся перебирать ягоды за длинным, сколоченным из простых досок столом, занимавшим середину кухни.

— Чепуха. — Пегги Скайлер надула губки, испачканные соком ничуть не менее, чем у Элизы. — Кажется, еще одна черника или клубника, и я в жизни на них больше не взгляну!

Но не успела она договорить, как ее красные от сока пальчики уже тянулись к очередной черничине и отправляли ее в рот.

— Пег права, — согласилась Анжелика. — Иногда щедрость даров природы просто чрезмерна. Неделю назад я дожидаться не могла, когда наконец созреют первые ягоды. А сейчас мечтаю только об орехах! Кажется, сейчас я все отдала бы за горсть свежееобжаренных орехов!

Но, произнося эти слова, она крутила в пальцах спелую клубнику, которая вскоре также оказалась у нее во рту.

— Как бы то ни было, с этой войной нам не видать арахиса до сентября, — заметила Элиза.

— Стефан говорит, что война может закончиться до прихода осени, — вставила Пегги, ссылаясь на своего жениха, Стефана ван Ренсселера III. — Линия побережья Америки слишком растянута, и даже армия и флот такой могущественной державы, как Англия, не смогут ее контролировать, а с учетом того, что силы французов теперь полностью поддерживают нашу борьбу за независимость, солдат короля Георга вскоре превзойдут и в численности, и в маневренности.

— Трудно представить, что эта война закончится, — сказала Элиза. — У меня такое чувство, что мы повзрослели, пока она шла. Но я искренне надеюсь, что он прав. Мы с Алексом женаты уже полгода, но все еще не обзавелись собственным домом.

На самом деле, как бы ни любила Элиза «Угодья», ей не терпелось покинуть отчий дом и начать строить свое семейное гнездо. После венчания у них было всего лишь несколько прекрасных недель, прежде чем муж был вынужден поспешить в штаб генерала Вашингтона. Теперь Алекса не меньше, чем ее саму, раздражали их нынешние жилищные условия, и они оба жаждали проводить больше времени наедине друг с другом.

Хотя она, безусловно, любила мужа и была уверена в его ответной любви, они провели больше времени врозь, чем вместе, как в период их недолгого романа, так и в период еще более короткой семейной жизни. Пламя,

пылавшее в их сердцах, было ярким, но пожить как муж и жена им пока не удалось. Во многом Алекс оставался для нее полным незнакомцем. Рядом постоянно присутствовали члены семьи, слуги и солдаты, и потому-то их личная жизнь была далеко не такой личной, как им хотелось бы.

Но, по крайней мере, он снова был дома, хоть и должен был уехать всего через несколько дней. Тоска по мужу была долей жены солдата, и вместо того, чтобы стонать и плакать, Элиза старалась быть храброй. Но даже посреди этого пиршества жизни и красоты ей сложно было не чувствовать себя обделенной. Когда Алекс уезжал, его отсутствие вызывало у нее почти физическую боль. Элиза ругала себя за эгоизм, ведь она была его женой, а он был человеком мира, человеком страны, и она должна была уступать его стране, не так ли?

Ее родителям за время брака тоже пришлось провести немало времени в разлуке — жена должна быть готова к этому, если муж — амбициозный человек, да к тому же военный. Но генералу и миссис Скайлер удалось по крайней мере узнать друг друга получше и устроить семейное гнездо до первого расставания.

Поскольку Алексу вскоре предстояло отбыть к месту службы, этим вечером в усадьбе готовили увеселения. Элизе не хотелось даже думать о том, как долго он будет отсутствовать на этот раз, но она надеялась, что после его возвращения они наконец-то смогут зажить в своем доме.

— Я готова жить под своей собственной крышей, — объявила она.

— Слушайте, слушайте, — подхватила Анжелика. — Я замужем на год дольше тебя, а мы с мужем до сих пор видимся реже, чем в то время, когда он ухаживал за мной. Скажи-ка мне, ты уже знаешь, где твой муж планирует поселиться?

Элиза покачала головой.

— Возможно, в Нью-Йорке, это самое благоприятное место для того, кто хочет сделать карьеру законника. Но если его увлекут на политическое поприще, мы с таким же успехом можем оказаться в Филадельфии или где-нибудь дальше к югу, если разговоры о том, чтобы сделать столицу в середине страны, станут руководством к действию.

— У-у-у-у-у.

Беседу сестер прервал тихий стон из угла кухни, где на мешках, под завязку набитых рисом, распласталась Корнелия. Ее мордашка от носа до подбородка и пухлых щечек была перепачкана темно-красным соком ягод, которые она уплетала без меры.

— Слишком... много... ягод.

— Я же говорила тебе, Корнелия, — с сочувствующей улыбкой сказала Элиза. — Не жадничай, а иначе будет болеть животик.

— Слишком... поздно, — простонала Корнелия, поглаживая прикрытый передником живот пальцами такого же красного цвета, как и ее лицо. Но, несмотря на стоны, она сперва уселась на мешках, а затем потихоньку двинулась к ведрам, до верха наполненным ягодами.

— Подожди до чая, милая, и получишь булочки со свежим вареньем и сливками, — посоветовала Элиза, перехватывая сестру и разворачивая ее в другую

сторону. — Пожалуйста, ступай в дом и попроси Дот хорошенько тебя отмыть. Мы же не можем допустить, чтобы ты походила на клоуна на сегодняшней вечеринке.

Элиза думала, что Корнелия не захочет отправляться на попечение их горничной. Однако вместо этого кухню, заполненную сладким ароматом ягод, потряс пронзительный крик.

— Вечеринка! — радостно голосила малышка, спеша к дому. — Дот! Дот! — Ее крик был слышен даже после того, как она пересекла двор. — Элиза сказала, что ты должна искупать меня ПРЯМО СЕЙЧАС!

Элиза с любовью посмотрела вслед младшей сестре, а затем повернулась к Анжелике и Пегги. Между тремя старшими сестрами было всего лишь два с половиной года разницы. Несмотря на то что каждая из сестер имела весьма примечательную внешность, они были столь дружны, что в обществе их называли «сестры Скайлер», словно они были тройняшками.

— Кстати о мужьях, мистер Черч тоже присоединится к нам нынешним вечером? — обратилась она к Анжелике.

— О, Элиза, не будь такой занудой! Мы с ним женаты целую вечность, тебе давно пора звать его просто Джон.

— Ха! — рассмеялась Пегги. — На днях я слышала, как она разговаривает с собственным мужем. Ты знаешь, что на людях она до сих пор зовет его полковник Гамильтон?

— Пегги! — воскликнула Элиза. — Ты не должна подслушивать.

— Если мы, все трое, в одной гостиной, это не считается подслушиванием, — заявила Пегги, сверкнув усмешкой. — Скажи мне, милая сестрица. Ты *всегда*

обращаешься к мужу столь формально? Я надеюсь, в некоторые моменты твоя речь чуть более... приватна!

Элиза почувствовала, как краска заливает шею и щеки. Она действительно звала мужа Алекс, когда они были вдвоем, но на людях, следуя примеру матери, обращалась к мужу согласно его званию. К счастью, в кухне, где исходили паром приготовленные к вечернему столу горшки с рагу и кастрюли с консоме, было ужасно жарко, и она понадеялась, что сестры ничего не заметят. Однако она обнаружила, что к тому же не может сказать ни слова в ответ.

— Ох, Пегги, — пожурила Анжелика. — Вечная возмутительница спокойствия!

— Я? — рассмеялась Пегги. — Я всего лишь незамужняя девица, тогда как вы обе — умудренные опытом замужние дамы. Чем же это я могу возмутить *ваши* спокойствие?

Анжелика не смогла скрыть усмешку.

— Подозреваю, что наша правильная Элиза будет прилюдно звать его полковником Гамильтоном, даже когда они проживут в браке столько же, сколько мама с папой.

— Если только его не повысят до генерала, как папу, — сказала Элиза, все же обретя дар речи. — В этом случае я стану звать его «генерал Гамильтон». Но ты так и не ответила на мой вопрос. Будет ли Джон присутствовать на нашей вечеринке?

— Полагаю, что да. Он составил компанию твоему полковнику и нашему отцу, этим утром отправившимся в город, собираясь попутно решить какие-то свои дела, и сказал мне, что планирует закончить к концу

дня. А Стефан? — продолжила Анжелика, обернувшись к Пегги. — Твой молодой человек тоже будет здесь?

— Он сказал, что приведет с собой добрую половину кузенов Ренсселеров, — кивнув, подтвердила Пегги, хоть на лице ее не отразилось особой радости.

— Старшие Ренсселеры все так же не позволяют ему сделать тебе предложение? — спросила Элиза.

— Боюсь, что так, — вздохнула Пегги. — Они говорят, это потому, что он слишком молод, но я в это не верю. Когда он только начал за мной ухаживать, они горели желанием нас обвенчать, но, когда у папы начались трудности, желания у них поубавилось. Они словно решили, что я бегаю за ним ради его денег!

Состояние Скайлеров в действительности уже было не столь велико, как прежде. Четыре года назад Горацио Гейтс бесцеремонно сместил генерала Скайлера с должности командующего Северной армии, как раз в то самое время, когда британцы сожгли до тла его загородные владения, нанеся тем самым серьезный урон доходам Скайлеров. Потеря дохода одновременно с затратами на восстановление хозяйства была причиной того, что последняя пара лет выдалась весьма нелегкой. Но денежные дела семьи все-таки пошли на поправку, особенно после свадеб Анжелики и Элизы. Джон Баркер Черч, муж Анжелики, был владельцем более чем успешного дела, а Александр Гамильтон пусть и не был богат, но находился на весьма неплохом довольствии у Континентальной армии, и все были убеждены, что впереди его ждет блестящее, безусловно успешное будущее.

Увы, этого спесивым Ренсселерам, похоже, было недостаточно.

— Они просто смешны! — ехидно заявила Элиза. — Ведь это *Стефан* бегает за *тобой*. Боже, да этот парень был без ума от тебя, еще когда носился в коротких штанишках!

— О, так он наконец-то дорос до брюк?

Анжелика не могла не пошутить, даже рискуя получить шлепок от Пегги.

Элиза рассмеялась, а затем утешающе похлопала младшую сестру по руке.

— Ренсселеры не посмеют вечно откладывать объединение их семьи с нашей. Мы уже родственники по матушке, и несмотря на все их земли и деньги, им далеко до нашей родовитости. — Она вздохнула. — Так, похоже, ужин превращается в настоящий прием. Жду с нетерпением возможности увидеть всех троих наших кавалеров в одной комнате. В последнее время это случается нечасто.

— Это точно! — согласилась Анжелика. — А ведь скоро войне конец, и вы переедете в Нью-Йорк или Филадельфию, или, упаси боже, в Вирджинию. Джон поговаривает о возвращении в Англию, и я уверена, что Стефан захочет выстроить для Пегги дом в каком-нибудь уголке своих обширных владений размером с половину штата. Может быть, это последний раз, когда мы собираемся все вместе на бог знает какой срок!

— Что ж, давайте превратим этот ужин в самую лучшую вечеринку, что видывал свет! — воскликнула Элиза. Она встала, подхватила один из пирогов с решетки, где те остывали, и уложила его в корзину. — А теперь прошу меня извинить, мне нужно отнести маме эти закуски. Пегги, пожалуйста, не надевай тот алый шелк, который